

все требовало „посулы“ и „подарка“. В „Записи расходов Хлыновского причта по спорному делу о пожне Покровской церкви“ 1684 г. имеется редкий по своей обстоятельности перечень множества взяток, которые пришлось платить Хлыновскому причту; здесь мы встречаем даже такую удивительную взятку: „Подъячего Герасима Шмелева родителей записали в Синодик за 8 гривен“.¹ В другой такой же „росписи“ „челобитчик“ упоминает, что, кроме подарков самому воеводе и его дьяку, он „людям его дал две деньги, малым ребятам два алтына“. Даже московские „бояре“ и „думные дьяки“, вроде известного Емельяна Игнатьевича Украинцева, не брезговали брать посулы „солеными рыжиками“.² „Подарки“ и „посулы“ необходимы были не только в судебных тяжбах, но даже и при выплате жалования „служилым людям“.³ До какой степени взятки в XVII в. были обычным явлением, показывает заслуживающий полного доверия рассказ Татищева об одном „честном“ воеводе: царь Алексей Михайлович в награду „за службу“ послал одного „служилого дворянина“ воеводой в маленький город для того, чтобы тот „нажил“ 500—600 рублей и затем купил себе деревню. Когда окончился срок воеводства, „дворянин“ „бил челом“ царю, что он „нажил“ всего только 400 рублей. Царь даже послал дьяков проверить на месте, и оказалось, что „честный“ воевода „нажил“, действительно, всего только 400 рублей. Этот „дворянин“ ни у кого не вымогал насильно „подарков“ и „посулов“, а довольствовался только тем, что ему добровольно приносили сами „челобитчики“ „в почесть“. Узнав об этом, удивленный Алексей Михайлович дал „доброму человеку“ другой „прожиточный“ город.

Но как ни привыкли „приказные люди“ брать „посулы“, однако боязнь наказания „кнутом“ все же заставляла их прибегать к разным уловкам, которые спасли бы их от „огласки“: „наказания не страшатся (судьи, — И. Л.), от прелести очей своих и мысли содержати не могут, и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына или брата, не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают“, — говорит Котошихин.⁴ Коллинз рассказывает, что царь Иван Васильевич казнил одного дьяка за то, что он принял „посул“ в виде жареного гуся, начиненного деньгами. Иногда изошренные „челобитчики“, входя к судье, „привешивали“ подарки к „образам“ „будто бы на свечи“. Наконец, даже закон вынужден был признать эти укоренившиеся обычаи,

¹ Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение ко 2-му тому сборника „Столетие Вятской губернии“, изд. Вятск. статист. комит., Вятка, 1881, № 154, стр. 219.

² Сборник князя Хилкова. СПб., 1879, № 102, стр. 325—349. Письма „доверенных калужан“ земскому старосте 1690—1691 года.

³ Доп. к Акт. ист., т. III, № 36, стр. 119; Акты Приказа Новгородской четверти 1647 и 1648 гг.

⁴ Котошихин, ук. соч., гл. VII, стр. 28.